

Я взглянул на правую руку и ахнул. Предплечье, словно цепь, обвивала татуировка, которой там точно не было раньше. Узор был сложным и красивым, из текучих линий и геометрических фигур, которые, казалось, двигались, когда я не смотрел прямо. Тёмно-зелёный оттенок мерцал.

Что со мной происходило? Сначала управление временем, теперь это... что бы это ни было.

Кем я становлюсь?

Я экспериментально сжал пальцы, ожидая, что татуировка как-то отреагирует, но она оставалась неподвижной и молчаливой. И всё же я чувствовал её, словно тёплый вес на коже, и у меня было чёткое ощущение, что это только начало.

Позади раздался тихий щелчок открывающейся двери кладовки.

— Всё в порядке? — Голос Елены был слабым и встревоженным. — Я слышала... звуки.

Я быстро натянул рукав, чтобы скрыть татуировку, не желая пугать её больше, чем нужно. Она и так пережила достаточно.

— Всё нормально, — сказал я, повернувшись к ней с улыбкой, которая, надеюсь, выглядела успокаивающе.

Но тут мир накренился.

Глаза расширились от шока, когда волна агонии обрушилась на меня, как цунами из огня. Колени подогнулись, я рухнул на бетонный пол, зрение затуманилось тёмными пятнами, грозящими утянуть меня в беспамятство.

Моя правая рука — та, что теперь украшала загадочная татуировка, — горела, словно её окунули в расплавленную лаву. Боль была такой интенсивной, всепоглощающей, что я не мог думать, дышать, мог только сжимать руку и стараться не кричать.

— Угхх!

Я бывал ранен — порезы, синяки, однажды сломанное ребро, — но это было другое. Боль, казалось, проникала в самую душу и поджигала её.

Сквозь пелену мучений я смутно осознавал, что Елена бросилась ко мне, её лицо побледнело от беспокойства и страха.

— Эй... ты?!

Я заставил себя поднять левую руку, каждое движение отнимало все силы.

— В... вернись внутрь... — выдавил я между волнами боли. Даже сквозь агонию я слышал их — ещё заражённые, привлечённые звуками нашей схватки, их шаркающие шаги эхом отдавались в коридоре.

Елена расширила глаза, заметив приближающиеся фигуры. Она метнулась обратно в кладовку, я последовал на дрожащих ногах, всё ещё прижимая правую руку к груди, словно раненую птицу. Пальцы возились с ключом, зрение опасно плыло, но я сумел запереть дверь.

Как только засов щёлкнул, я рухнул, прислонившись спиной к металлу, и сполз на холодный бетон.

Неужели это цена за новую силу? Заморозка времени всегда оставляла раскалывающую голову боль, но это было нечто иное. Может, потому, что я обрёл не одну способность, а две — сияющий клинок и татуировка. Может, мое тело не справлялось с изменениями, для которых не было предназначено.

— Райан, ты в порядке? — Елена опустилась рядом, её недавняя нерешительность исчезла под напором искреннего беспокойства.

— Д... да... — соврал я сквозь стиснутые зубы. — Дай воды.

Она быстро кивнула, достала бутылку из моего рюкзака и вложила её в мою левую руку, так как правая была бесполезна. Я жадно пил, надеясь, что холодная жидкость погасит огонь в руке. Не помогло, но глотание дало мне возможность сосредоточиться на чём-то, кроме боли.

Минуты тянулись, как часы. Постепенно, мучительно медленно, жгучая боль начала спадать, переходя в терпимую пульсацию. Но за ней пришло нечто почти худшее — полная онемелость от плеча до кончиков пальцев. Я сжал пальцы, ничего не чувствуя, словно рука принадлежала кому-то другому.

Елена внимательно наблюдала, её брови нахмурились от беспокойства.

— Тебя укусили? — спросила она.

— Нет, просто... — Я лихорадочно искал правдоподобное объяснение. — Ударился о стену, чуть не сломал. — Ложь горчила на языке, но я был слишком измотан, чтобы объяснять, и не хотел втягивать её в проблемы с моим телом.

Я выдавил успокаивающую улыбку и вытащил план этажа.

— В любом случае, — сказал я, — теперь я знаю, как попасть наверх. Скажи, когда будешь готова, пойдём искать остальных.

— Я... в порядке, — сказала она. — Могу идти и даже бежать, если надо.

— Хорошо... — Я вздохнул, чувствуя, как усталость оседает в костях, словно свинец. — Дай мне пару минут.

Выходить без заморозки времени — самоубийство. Мне нужно быть уверенным, что я смогу её использовать, если нас загонят в угол, а сейчас я не был уверен, что способен даже стоять прямо.

Елена тем временем отломала ещё одну ножку стула. Ей явно нужно было оружие посерьёзнее.

Я мысленно отметил, что надо найти ей что-то получше, если мы выживем.

Когда я почувствовал себя достаточно устойчивым, я поднялся. Правая рука всё ещё была онемевшей, но боль утихла до тупой, с которой я мог справиться.

— Держись рядом, Елена, — сказал я, проверяя дверную ручку. — Я могу заморозить время для нас обоих, но только если держу тебя за руку.

Она кивнула, подойдя ближе, так что я ощутил тепло её присутствия. Несмотря на всё, что между нами произошло, несмотря на неловкость и травму, она мне доверяла, и это вызывало странное чувство благодарности.

Я приоткрыл дверь, заглядывая в коридор. Заражённых стало больше — я видел как минимум четверых, — но они сосредоточились слева. Путь к лестнице, отмеченной на карте, был относительно свободен.

— Слава богу за малые милости, — пробормотал я. Административный сектор здания был преимуществом — меньше людей, меньше заражённых.

Мы двигались медленно, Елена подстраивалась под мой осторожный шаг. Я следил за целью и за заражёнными, готовый схватить её и заморозить время, если нас заметят.

Дверь на лестницу была там, где указывала карта. Я мысленно помолился и повернул ручку, чувствуя облегчение, когда дверь открылась, обнажив бетонную лестницу, ведущую вверх и вниз.

— Всё, здесь, — прошептал я, жестом указав Елене идти первой. Я последовал за ней, тихо закрыв дверь.

— Думаешь, они добрались до кабинета директора? — спросила Елена, пока мы поднимались.

Этот вопрос грыз меня с тех пор, как мы провалились через световой люк. Сидни и остальные — добрались ли они до крыши? Смогли ли пробраться внутрь без происшествий? Или их тела уже остывают где-то наверху, разорванные теми же монстрами?

— Узнаем, — ответил я, не желая озвучивать страхи.

Мы поднимались в тишине, пока Елена снова не заговорила, её голос был нерешительным.

— Райан.

— Да?

— Я не хочу лезть не в своё дело... но я не первая, кого ты исцелил, верно?

— Ты права, — наконец сказал я. — До тебя были ещё две.

— П... понятно. — Я слышал, как в её голове закрутились мысли, осмысливающие мои слова. Она хотела спросить больше — я чувствовал её вопросы, — но что-то её сдерживало.

Тишина тянулась, пока мы поднимались, прерываемая лишь мягким шарканьем обуви по бетону и далёкими звуками хаоса. Наконец, Елена набралась смелости задать главный вопрос.

— Ты человек?

Вопрос застал меня врасплох.

Я выдавил кривую улыбку.

— Родился человеком, но... не уверен уже, — признался я, удивляясь собственной честности. — Может, я просто человек со сверхъестественными способностями. Может, что-то совсем другое. Честно, не знаю.

Елена задумчиво кивнула, словно мой ответ подтвердил её подозрения.

— Должна быть причина, почему эти силы проявились именно сейчас, не так ли?

— Да, наверное, — согласился я. — Но я понятия не имею, какая. — Я замялся. — К тому же, я не чувствую себя подходящим человеком для такой ответственности.

— Что ты имеешь в виду?

Я неловко почесал щеку, подбирая слова.

— Ну... подходить к женщинам, которых я не знаю, и предлагать секс, потому что это единственный способ их исцелить. Не так просто объяснить. Женщина до тебя... мне пришлось угрожать ей, чтобы она позволила помочь.

Не знаю, почему, но я признался в вине, которую чувствовал из-за Рэйчел.

— Она жива? — тихо спросила Елена.

— Да, жива. Но я всё равно чувствую вину — за неё, за тебя, за всё. — Я остановился и повернулся к ней. — Ты заслуживаешь, чтобы твой первый раз был с тем, кого любишь, как и она...

Елена долго молчала.

— Это правда, я бы предпочла, чтобы мой первый раз был с любимым человеком, — сказала она. — Но ты спас мне жизнь, Райан. И я буду за это благодарна, несмотря ни на что.

— Это не делает это правильным, — сказал я, замявшись, почти стыдясь того, что собирался признаться. — Я могу... спасать женщин, занимаясь с ними сексом. Кончая внутрь, я... исцеляю их. Я мог бы делать это быстрее, просто... заканчивать быстро. Но, может, подсознательно я затягиваю, чтобы... чувствовать больше удовольствия.

Елена не сразу ответила. Её глаза опустились, пальцы нервно теребили юбку.

— Может... — наконец прошептала она. — Но если бы ты сделал это быстро, мне было бы больнее. — Её голос стал тише, щеки вспыхнули. — Ты сам сказал... что нужно было... подготовить меня, чтобы не было так больно.

Она отвернулась, явно смущённая, но я понял, что она пытается меня утешить. И она была права.

Я не был экспертом, но знал достаточно. Нельзя было просто форсировать — это причинило бы ей боль, а я этого не хотел. Я не торопился, убедился, что её тело готово, потому что мне не всё равно — даже если я тогда себе в этом не признался.

— К тому же... — продолжила Елена, — я... тоже издавала странные звуки, так что... тебе не стоит винить себя. — Её лицо пылало, глаза были прикованы к полу.

Во время секса сложно контролировать реакции тела. Ощущения захлёстывают, и, как бы ты ни старался сосредоточиться, желание удовольствия просачивается. Я это чувствовал, и, похоже, она тоже. Это знание принесло странное утешение.

— Спасибо, — искренне сказал я, встретив её взгляд. — Ты могла этого не говорить, но я ценю.

Она слегка кивнула, её губы изогнулись в неловкой улыбке.

Я глубоко вдохнул, меняя тему. У нас были другие заботы.

— Ладно, идём, — сказал я, выпрямляясь и стараясь сосредоточиться.

Я подошёл к тяжёлой двери, ведущей на этаж кабинета директора, и толкнул её. Металлический скрип слегка эхом отозвался.

Коридор за дверью был зловеще тихим.

Я осмотрелся, ожидая нападения, но... ничего.

Пол был испачкан тёмными, запёкшимися лужами крови, стены покрыты глубокими царапинами и вмятинами — явные следы борьбы. Но пространство было пустым.

Ни одного заражённого.

— Чисто, — пробормотал я, осторожно шагнув внутрь.

В груди затеплилась надежда.

Может... может, они живы.

Я развернул карту из кармана и провёл пальцем по маршруту. Кабинет директора должен быть в конце коридора, за углом.

— Пойдём, — быстро сказал я, шагая вперёд.

За углом я замер.

Трое заражённых стояли у закрытой двери в конце коридора — двери кабинета директора, — царапая и колотя по ней.

Они нас ещё не заметили.

Я выдохнул с облегчением. Среди них не было ни Сидни, ни остальных. Это уже что-то.

Но... были ли они внутри?

— Что будем делать? — прошептала Елена.

— Есть идея. Держись рядом и следуй за мной, — сказал я, шагнув в открытый коридор.

Я громко крикнул:

— Эй, ублюдки!

Все трое разом повернулись, их глаза загорелись жутким, нечеловеческим светом. Из их глоток вырвался рык, они двинулись к нам с животной яростью.

— Р... Райан?! — ахнула Елена, замершая от паники.

— Не волнуйся. Ещё немного, — сказал я, схватив её за руку.

Когда они приблизились, я распахнул ближайшую дверь, открыв пустую комнату. Время было всё.

Я ждал, пока заражённые не оказались в паре футов — так близко, что я видел вздутые вены под их серой кожей. Тогда я действовал.

Крепко сжав руку Елены, я заморозил время.

Всё остановилось.

Рычание заражённых затихло, их искажённые лица застыли в яростном оскале.

— Помоги затолкать их внутрь — сейчас! — срочно сказал я.

— Д... да! — Елена кивнула, быстро сообразив.

Вместе мы затолкали первого в комнату. Он легко рухнул, как статуя. Второй потребовал больше усилий. Третий был на полпути в дверной проём, когда время начало тянуть меня назад.

Мышцы ныли от напряжения, но мы справились. Елена захлопнула дверь, как только время вернулось в норму.

Изнутри донеслись приглушённые звуки ярости. Я прислонился к стене, тяжело дыша, пот стекал со лба.

— Это должно сработать... — выдохнул я, улыбаясь.

Елена посмотрела на меня с беспокойством.

— Это тебя выматывает, правда?

— Да, — признался я, вытирая лоб, — но лучше, чем драться с тремя тварями в лоб.

— Пожалуй... — пробормотала она, не отводя от меня глаз.

Я выпрямился, собирая остатки сил.

— Пойдём, мы у кабинета.

Мы медленно подошли к двери директора. Я заколебался, сердце колотилось.

Затем постучал.

— Сидни... это мы.

Долгая тишина — нервы начали сдавать. Я переглянулся с Еленой.

Но затем раздался мягкий щелчок замка, и дверь скрипнула.

Кристофер стоял там, глаза широко раскрыты, лицо осветилось, когда он нас увидел.

— Ребята! Вы сделали это!